

Е.Н. СЕЛЕЗНЕВА

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СЕГОДНЯ: РЕЦИДИВЫ ИСТОРИЦИЗМА?

СЕЛЕЗНЕВА Елена Николаевна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии РАН.

Десятилетия культурная политика в нашем обществе формировалась и функционировала по историцистским моделям [1], восходящим к революционно-утопическим мифологемам «новых социальных отношений», «нового человека» и т.п. Они породили множество стереотипов и схем - культурно-исторических, мировоззренческих - возможностей развития общества по неким упрощенным универсальным нормам.

Основанные на историцистских схемах так называемые «отраслевые» модели культурной политики воспроизводили единообразие функционирования культурных образцов и разрабатывали технологии их достижения. Так, ориентация (в 60-70-х годах) на «выравнивание» культурного уровня различных групп породила универсальную модель функционирования искусства, главными достоинствами которой были «доступность» и «простота восприятия». В результате показатели «массовости» и «художественности» стали взаимоисключающими. К подобным культурным ориентациям можно также отнести утопические идеологемы «равного распределения культурных благ» (известные модели «оптимальных рационов» потребления «культурных трендов» и др. разработки культурных программ). Приживление этих образцов «дозированной» культуры рассматривалось как «динамика

роста» культурного уровня населения, подтверждая тем самым идею авторитарной власти о том, что культурой можно «управлять»...

Как изменилась модель культурной политики в период демократических преобразований? Насколько изжиты историцистские схемы культурной политики как основы утопического планирования развития культуры? Удалось ли сломать ведомственную парадигму, представляющую культуру как «отраслевую» сферу и средоточие властных функций?

Что касается первого вопроса, то ответ однозначен: сегодня мы имеем очередную версию историцизма - представление о закономерностях изменения общества от тоталитарного к демократическому через ускоренную модернизацию. Насажение подобных представлений в культурной политике порождает дегуманизацию культуры, известный техноцентризм ориентаций, когда развитие сферы культуры представлено преимущественно в категориях технологического совершенствования и программного обеспечения, т.е. опять в форме обезличенных показателей и ведомственных нормативов. В арсенале культурной политики господствуют до сих пор не изжитые схемы, что развитие институциональных структур в сфере культурной деятельности равнозначно «освоенности» культуры. Акцент на преимущественно институциональных аспектах в политике, т.е. на том, что можно запрещать или контролировать, отражает, как сказал бы К. Поппер, догмы так называемых «институциональных теорий прогресса».

Таким образом, налицо отсутствие культурологических оснований в культурной политике, что позволяет манипулировать культурой, превращать ее в фактор, «обслуживающий» реформы, и прежде всего выполнять функцию распространения «модернизационных образцов» - моделей поведения, норм и стереотипов западного образа жизни, а также механизмов адаптации к ним населения.

Как результат — качественное понижение культурного уровня.

Еще Н. Бердяев указывал на различия между цивилизацией и культурой. Специфику последней он видел прежде всего в иерархическом принципе, обосновывающем как бы неуниверсальность развития культуры в смысле степеней ее освоенности, наличия разных слоев, уровней, разную степень зрелости ее образцов. С этой точки зрения принцип демократизации, перенесенный прямо из политики в культуру, неприемлем в том плане, что он как бы устраняет, «уплощает» иерархию культурных образцов, систему, в которой наличие «высокой культуры» требует безусловной выучки, образования, определенного уровня эстетического развития.

По мнению Бердяева, культура в условиях демократизации деградирует: «...она становится дешевой, доступной, плоской и пониженной в своем статусе... некрасивой, лишенной стиля...» [2, с. 247].

Демократизация как принцип «равной доступности» без собственного эстетического саморазвития, означает лишь «перераспределение» или даже «захват», «передел» того, что уже было создано и что в то же время не может быть присвоено буквально как материальный предмет или вещь.

В этом смысле истончается слой культуры в ее «высоких образцах»: культура «переходит в цивилизацию», становится массовой, коммерциализируется. Это «кризис культуры» [2, с. 258], который мы наблюдаем сегодня.

Обходя содержание культуры, состав ценностей, современная культурная политика ограничивается лишь самой констатацией факта «плюрализма культур» как «возможностей» множества социокультурных факторов периода модернизации. Но поскольку реально невозможно социально обеспечить это «множество», встает проблема «приоритетов»: какие из числа наличных культур развивать и поддерживать, а какие объявить «традиционалистскими» и оставить вне поля зрения. Превалируют в конечном счете политические приоритеты: поддерживать только то, что полезно для формирования новой государственности.

Актуальной, таким образом, становится «технология» перераспределения, которое происходит на наших глазах: деиерархизация культурных ценностей, которая является фактическим понижением качества культуры, выдается за «расслоение» культурной жизни, «рост» многообразия и т.п. Соответственно, возникает потребность в «идеологии» такого расслоения, и она также к услугам властей предержавших под громким названием «социокультурных программ», чье назначение в сущности лишь в том, чтобы «научно обосновать» перераспределение финансирования культурных фондов, ну и, разумеется, властных функций в управлении ими. Согласно этой идеологии, стремительное сокращение культурных объектов (культурно-досуговых центров, школ творчества, студий, кружков, библиотек) объясняется как «невозможность сохранить в условиях демократизации

прежнюю систему социальной поддержки культуры» [3], поскольку сегодня отсутствует «централизованный координатор» - государство, ЦК КПСС... т.е. как бы «монополист» всей сферы культуры. Между тем низложение такого «монополиста-координатора» с последующей децентрализацией, свершенное властью, надо сказать, не без удовольствия, обнаружилось как очередной передел властных функций, который и выдается за нынешнее расслоение культурной жизни. Разумеется, расслоение на ангажированную элиту и остальную массу не означает развития культурных форм, традиций, стилевых черт, рост их многообразия (как это желает представить номенклатура), но навязывание довольно жестких условий выживания культуры, когда на вершине иерархии образовался новый ведомственный слой бюрократов и «эксперт-чиновников», новых культурных инстанций - от федеральных до региональных и муниципальных управлений культуры, зачастую произвольно выстраивающих приоритеты развития.

Относительно ведомственных стереотипов также приходится признать, что и в пост-тоталитарной культурной политике продолжают господствовать отраслевые представления.

Обзор моделей культурной политики показывает, что при всей многозначности определений и понятий состав содержания оказывается предельно упрощенным: культурная политика определяется преимущественно в отраслевых категориях как видоизменяющийся в каждый исторически конкретный период набор государственных регуляторов в какой-либо сфере культуры, искусства, фондов наследия, образования, воспитания — как взаимодействие институциональных структур, как система взаимодействия федеральных, региональных, локальных управленческих структур, а также законодательных и финансовых мер (регулируемая посредством налоговых льгот, инвестиций в сферу культуры). Сегодня культурная политика понимается преимущественно как процедура разработки программ и программных технологий (приоритетов, механизмов реализации) социокультурной деятельности.

Модели культурной политики, дифференцированные лишь по специфике инструментов регулирования и применяемых программных технологий, очерчивают по сути только один - инструментальный (технологический) уровень, вытесняя на периферию культурной деятельности содержательные категории культуры - ценностные категории.

Поскольку современная социокультурная ситуация характеризуется как ситуация культурной маргинальности, размытости ценностных нравственных, эстетических ориентаций, «новые» представления о культуре разрабатываются в контексте сциентизма - копирования метода и языка теоретических наук. В том же контексте разрабатываются и новые представления о культурной политике. Постоянно подчеркивается, что раньше господствовала «ненаучная» концепция культуры, где искусство и шире - «классическая» модель культуры была определяющей. Эта классическая модель культуры предполагала иерархию культурных образцов и, соответственно, «шкалу» культурных ценностей. Она исходила из античного принципа: человек оценивает все явления жизни с точки зрения истины, добра, красоты.

Теперь, отбросив эту модель и заменив ее «равноценными социокультурными факторами», новые культурологи прозападной ориентации упразднили и собственно культуру, предписав, что все культурные образцы имеют лишь один критерий - «качество жизни», т.е. степень комфортности, утилитарности, технологической совершенности. Эти идеи и формируют сегодняшнюю культурную политику, где приоритетными сферами перестали быть музеи, театры, филармонии, детские художественные и музыкальные школы и вообще все учреждения культуры, так или иначе связанные с отечественной традицией. Вместо этого в качестве приоритетных выступают теперь многообразные «социокультурные программы». Классическая модель культуры перестала занимать монопольное положение в качестве «официальной» культуры, образцы которой тиражировались по городам и весям, и сменилась видимым многообразием культурных форм. Социологи квалифицируют эти процессы как «детотализацию» (отказ от монопольного значения официальной культуры в качестве «доктринального образца» - системы ценностей, вокруг которой консолидируется все общество), «деиерархизацию» и развитие «полистилистической» культуры, представляющей возможности альтернативных идентификаций [4]. Культурная дифференциация действительно привела к деиерархизации культуры, но отнюдь не достигла, как это уже очевидно, детотализации - отказа от доктринального ядра. Оно просто было «заменено»: модель классической культуры в качестве официальной идеологии была замещена сциен-

тистской моделью культуры, которая сегодня стала главным направлением и ориентиром культурной политики.

Таким образом, констатируя «полиморфность» и «полистилистические» возможности современной культуры как несомненные позитивные достоинства демократизации общества, в качестве ориентиров культурной политики опять-таки избирается одна из форм -монопольной становится сциентистская концепция культуры, с точки зрения которой и происходит сегодня отсчет уровней развития культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.
2. Бердяев И.А. Философия неравенства. М.: ИМА-Пресс, 1990.
3. Швыдкой М. Поражение или обновление? Оптимистические заметки о российской культуре // Независимая газ. 1995. 1 февр.
4. Ионин Л.Г. Культура на переломе (механизмы и направление современного культурного развития в России) // Социол, исслед. 1995. № 2. С. 43-44.